

О ЗНАЧЕНИИ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ.

Миръ ученый и образованный рѣшилъ уже, что нѣтъ картины величественнѣе и наставительнѣе — картины исторической вообще. Жизнь многихъ десятковъ вѣковъ, съ первой минуты рожденія человѣческаго общества, до настоящаго его развитія, раскрывается въ ней передъ нами во всемъ поразительномъ ея разнообразіи. — При общемъ взглядѣ на эту чудную картину—дивнись ей, и невольно погружаешься въ глубочайшія размышленія; при взглядѣ на части—знакомишься съ картиною ближе, а при разсмотрѣніи частей изучаешь ее.—Но и этотъ общій взглядъ, и ближайшее знакомство, и изученіе въ подробностяхъ картины,—все взаимно обуславливается одно другимъ. При разсмотрѣніи частей нельзя не увлечься въ подробности, и въ тоже время, чтобы понять эти подробности, нельзя не смотрѣть на всю картину. Какъ въ цѣпи каждое звѣно связано съ другими, такъ и въ жизни міра каждый возрастъ есть поясненіе другаго,—а все вмѣстѣ составляютъ сущность, жизнь этой картины.

Этотъ взглядъ даетъ намъ возможность, не нарушая цѣлости исторической картины, ограничиться въ настоящемъ нашемъ разсужденіи разсмотрѣніемъ только одной части ея, именно міра древняго—дѣтства человѣчества, какъ называютъ его обыкновенно,—и опредѣлить его характеръ и значеніе въ отношеніи ко всей исторической картинѣ.

Что прежде всего бросается намъ въ глаза при взглядѣ на эту картину?—То, что каждая нація міра, живя и дѣйствуя для цѣлаго человѣчества, имѣетъ еще и свою собственную фізіономію. Это какъ бы члены одного семейства.

или лучше сказать одного тѣла, каждый съ своеобразною свободною дѣятельностію; но всё вмѣстѣ выражающіе одну какую-либо идею, по волѣ Бога, общаго Промыслителя чело-вѣчества.

Всѣ первоначальныя націи древняго міра мы находимъ около Средиземнаго моря, какъ бы около одной общей колыбели младенчествующихъ племенъ. Тамъ, *на востокъ*, мы видимъ сначала племя *Халдейское*—съ характеромъ воинствующимъ по преимуществу: это быть *мечъ Божій* для наказанія народовъ, по выраженію св. Писанія.—Передъ ними, ближе къ морю, живутъ *Евреи*—исключительные служители Бога истиннаго, среди разнообразнаго многобожія древняго міра—Подлѣ нихъ—*Финикіяне*, купцы и орудіе знакомства древнихъ, чуждыхъ другъ другу народовъ.—На южной сторонѣ Средиземнаго моря—отрасль ихъ, *Кароагеняне*—купцы и воины вмѣстѣ.—Между ними и Евреями, на юго-восточномъ краю Средиземнаго моря *Египтяне*—земледѣльцы и мудрецы древняго міра. И наконецъ, дальше всѣхъ, за племенемъ Халдейскимъ, *Персы*, главный народъ племени Иранскаго, соединившіе въ себѣ всѣ элементы востока, по покореніи его.

На западѣ древняго историческаго міра, на противоположной сторонѣ Средиземнаго моря, мы находимъ сначала *Грековъ*, народъ по преимуществу поэтической, изящной. Справедливо сказано, что древняя Эллада вся лежала въ предѣлахъ линіи красоты, и что этою-то линіею она отдѣлялась отъ варваровъ, т. е. не Грековъ. Греки были первымъ народомъ историческаго запада, и первые стали безъ сравненія выше всѣхъ другихъ древнихъ народовъ по своему врожденному, глубокому сочувствію ко всему гармоническому, истинному, прекрасному и по своему отвращенію отъ всего естественнаго и преувеличеннаго. Молодому Пиндару, показывавшему расположеніе къ восточной колоссальности, сказала однажды Коринна, что *нужно съять изъ руки, а не изъ полного шила*: эти слова были основнымъ греческимъ народнымъ вкусомъ. Во вкусѣ греческомъ было столько красоты идеи, формы и взаимной ихъ гармоніи, что самыя фуріи представлялись у нихъ не съ ужасающимъ и отвратительнымъ лицомъ, но такъ, что чувство ужаса невольно навѣвалось на зрителя, выступая незамѣтно изъ всей по-

становки прекрасной статуи. Наконецъ филологія открыла намъ, что только на одномъ греческомъ языкѣ есть слово *καλοκαγάρια*, которое выражаетъ всегдашнее гармоническое сродство двухъ понятій: прекраснаго и добраго, т. е. Греки полагали, что въ прекрасномъ тѣлѣ должна быть непременно и прекрасная душа.—На сѣверъ отъ Греціи лежала *Македонія*. Это была таже Греція, только съ примѣсю варварства; потому что народонаселеніе Македоніи составили Греки и туземцы. Греки принесли къ нимъ свое позднѣйшее образованіе, смѣшались съ ними, и изъ этого смѣшенія образовалась та чудная жизнь Македонянъ, которой полнымъ выраженіемъ былъ *Александръ*. Это былъ и необыкновенный полководецъ, и поэтъ, и великій государь, не только въ отношеніи Македонянъ и Грековъ, но и въ отношеніи всѣхъ побѣжденныхъ имъ народовъ: его политическій умъ впервые соединилъ востокъ и западъ такими узамъ политическими и нравственными, что невольно признаешь въ Александрѣ Македонскомъ человѣка великаго, и въ то же время въ этомъ человѣкѣ было слишкомъ много недостатковъ, свойственныхъ еще народамъ необразованнымъ, каковы были туземные Македоняне, до поселенія между ними Грековъ.—Наконецъ, еще западнѣе міра греко-македонскаго жили Римляне,—народъ, у котораго развилось такое сильное преобладаніе ума и воли, какъ у Грековъ чувства и вкуса. Римскій умъ весь обращенъ былъ къ практической пользѣ, т. е. къ приобрѣтеніямъ и къ устройству приобрѣтеннаго. Поэтому-то Римляне были отличными воинами и строителями. Они завоевали себѣ весь древній міръ и устроили свою имперію такъ, что формы этого устройства сохранились до нынѣ. Въ Римскомъ мірѣ соединились всѣ элементы древняго міра. Таковъ былъ отличительный характеръ каждаго народа въ великой семьѣ древняго историческаго міра.

Всѣ они, развиваясь свободно исообразно личному своему характеру, выражали въ то же время одну великую идею. Эта идея состояла въ естественномъ развитіи чело-вѣчества падшаго и предоставленнаго собственнымъ силамъ, чтобы съ помощію ихъ приблизиться къ тѣмъ великимъ истинамъ, которыя снова принесъ на землю, для обновленія чело-вѣчества, Христосъ, Сынъ Божій. — Вотъ та идея,

которою пропущена вся картина жизни древняго міра: эта идея не лишаетъ націю свободы развитія, и не исключаетъ въ гоюе время изъ исторической картины міроуправленія Божія.

Зная характеръ каждаго народа и ту идею, которая дана была въ основаніе дѣятельности его, посмотримъ теперь ближе, въ чемъ же выразили древніе народы свою дѣятельность для осуществленія этой идеи.

Мнѣніе, что въ древней исторіи, особенно, чѣмъ далѣе къ началу, т. е. въ исторіи востока, не возможны ни хронологія, ни разумное изложеніе фактовъ, существуетъ почти съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ только начались настоящія историческія занятія, именно съ половины XVIII вѣка: и оно справедливо только въ одномъ случаѣ, именно, что мы до сихъ поръ не имѣемъ еще полной прагматической исторіи востока въ томъ видѣ, въ какомъ мы привыкли видѣть исторію временъ новѣйшихъ. Исторія востока до сихъ поръ еще мало извѣстна, какъ по недостатку источниковъ и худому знакомству съ тѣми, которые существуютъ, такъ въ особенности потому, что сказанія восточныя суть чистая поэзія. Поэтическіе мифы восточные, изъ которыхъ состоитъ вся исторія востока, дѣйствительно слишкомъ колоссальны, фантастичны, какъ и все памятники востока,—тѣмъ не менѣе все они имѣютъ какое-нибудь основаніе, чисто историческое. Это доказываютъ все новѣйшіе исследователи древностей восточныхъ, занимавшіеся этимъ предметомъ исключительно

Ученая критика нашла въ поэтическихъ мифахъ Востока разрѣшеніе основныхъ историческихъ вопросовъ, именно: *о первоначальномъ развитіи общества человеческого, съ первыхъ ступеней его—съ кастъ и отдѣльныхъ семействъ, до государствъ и цархическихъ.* Индійскіе мифы говорятъ, что касты учреждены были богомъ Брамой еще при сотвореніи человѣка, и что брамины или жрецы произошли изъ головы Браны, кшетрія или воины—изъ груди, вайшія или ремесленники—изъ живота и лядвей, а судра или рабы—изъ ногъ. Въ этомъ мифѣ видно во 1-хъ, вѣрованіе востока въ происхожденіе всего отъ одного начала, именно отъ Бога, и проникновеніе религіею всѣхъ проявленій жизни; во 2-хъ, то, что на востокѣ первоначально имѣла значеніе только каста, или масса людей, а не человѣкъ въ отдѣльности, такъ что

вышняя природа совершенно подавляла тамъ духовную природу человѣка. Поэтому-то мы и называемъ касты шестею ступеню обществъ политическихъ.—Взаимнымъ отчужденіемъ кастъ объясняется и та уединенность, которая составляетъ отличительную черту политической жизни государствъ восточныхъ; такъ что тѣ государства, у которыхъ касты долѣе существовали — долѣе другихъ сохранили и свой уединенный характеръ; таковы были, Индія, Мероэ и Египеть.

Уединенность и своеобразіе государствъ восточныхъ были причиною и тѣхъ своеобразныхъ религій, которыя мы находимъ въ каждомъ изъ нихъ: законъ религіозный по самому развитію обществъ былъ тамъ соединенъ съ закономъ государственнымъ. Идеи и преданія о Богѣ и божественныхъ предметахъ, уклоняясь съ теченіемъ времени отъ первоначальной чистоты и истинны, принимали у каждаго народа неисчислимые отбѣнки, искажались, терялись и наконецъ національныя божества съ самыми разнообразными атрибутами населили міръ. Эти атрибуты тѣмъ фантастичнѣе и колоссальнѣе, чѣмъ далѣе къ востоку, и тѣмъ утонченнѣе, чѣмъ ближе къ западу: такова религія Зороастрова у Иранскаго племени. Въ Греціи и Римѣ божества принимаютъ уже человѣческую форму.

Одинъ только въ древнемъ мірѣ народъ *Еврейскій* сохранилъ, при особенной помощи Промысла, первоначальную чистоту религіи, хотя и онъ развивался точно такимъ же образомъ, какъ и другіе народы востока. — И эта-то религія была собственно тою цѣлбною, жизненною силою, которая время отъ времени освѣжала жизнь народовъ древнихъ, терявшихъ въ грубомъ многобожіи высокія идеи о Богѣ и объ отношеніи къ нему человѣка.

Здѣсь лежитъ основаніе всѣхъ политическихъ переворотовъ древняго міра; и въ этомъ отношеніи исторія Еврейскаго народа сколько отдѣльна отъ исторіи другихъ древнихъ государствъ, столько же и обща имъ. Всякій разъ когда искажались у Евреевъ истины религіозныя, они впадали въ тяжкое чужеземное иго. Это иго вразумляло ихъ, и они снова обращались къ своимъ заветнымъ идеямъ, къ своему *завѣту Божию*.—Между тѣмъ это самое иго и переселенія Евреевъ были столько же полезны и ихъ побѣди-

телямъ. Они сблизжали обоихъ народовъ, и побѣдители много заимствовали отъ своихъ побѣжденныхъ изъ ихъ священныхъ истинъ и преданій.

Такъ, по выходѣ изъ Египта, послѣ продолжительнаго періода несчастій и славы, подъ управленіемъ судей, пророковъ и царей Евреи подпали подъ иго Навуходоносора, царя Вавилонскаго, который вмѣстѣ съ ними покорилъ и другихъ народовъ Симиѳическаго племени, и основалъ изъ нихъ огромную *Вавилонскую монархію*. Средоточіемъ этой монархіи, составленной исключительно силою оружія, былъ воздвигнутый побѣдителемъ чудный Вавилонъ.—Какъ лице самого Навуходоносора, такъ и его столица въ высшей степени полны интереса. Куда бы ни простеръ Навуходоносоръ свое оружіе, въ немъ видно орудіе Промысла: народы падали къ стопамъ его; а его столица, богатая и многочисленная, съ своими обширными и великолѣпными чертогами и крѣпкими стѣнами, съ своими садами, набережными и мостомъ, долго считалась чудомъ свѣта. Сюда-то, въ средоточіе тогдашняго міра, приведены были плѣнные Евреи, и здѣсь-то, на рѣкахъ Вавилонскихъ, оплакивали они свои грѣхи и падшую родину. Очищаясь сами, они въ тоже время просвѣщали и своихъ побѣдителей и знакомили ихъ съ Богомъ Вышнимъ, владѣющимъ царствами человѣческими.

Въ такомъ же отношеніи находились Евреи и къ побѣдителямъ Вавилонянъ—*Персамъ*. Киръ, помазанникъ Божій, какъ называлъ его пророкъ Исаія (гл. XLV), слишкомъ за 200 лѣтъ до него, соединилъ подъ своею крѣпкою рукою все Иранское и Симиѳическое племя, кромѣ Египта, который покоренъ былъ сыномъ его Камбизомъ, и Аравитянъ, никогда никѣмъ не покоренныхъ. Киръ отпустилъ раскаявшихся Евреевъ на родину.—Но ни Персы не прекратили на нихъ своего вліянія въ политическомъ отношеніи, ни Евреи на Персовъ въ отношеніи нравственномъ. Свидѣтельства, подтверждающихъ эти тѣсныя сношенія, много въ Библии, особенно въ книгахъ Ездры, у пророка Даніила, игравшаго такую важную роль при дворахъ Вавилонскомъ, Мидійскомъ и Персидскомъ, и въ книгѣ Есѣпръ, которая была даже супругою Артаксеркса 1-го. Уже и въ это время Евреи имѣли слишкомъ большое вліяніе на всѣхъ народовъ востока, входившихъ въ составъ Персидской монархіи, въ возстановленіи

у нихъ священныхъ истинъ, что доказывается многими ихъ преданіями, сходными съ еврейскими. Но гораздо большее вліяніе они возымѣли на нихъ потомъ, по смерти Александра Македонскаго.—Безъ сомнѣнія и Финикіяне, находившіеся всегда въ хорошихъ отношеніяхъ къ Евреямъ, не мало содѣйствовали къ распространенію этихъ священныхъ истинъ между отдаленнѣйшими народами древности посредствомъ своихъ торговыхъ связей; но мы не можемъ подтвердить этого источниками.

Между тѣмъ какъ Персидская монархія болѣе и болѣе слючпвалась учрежденіями Дарія Истаспа и развивалась по своему,—въ Европѣ, въ это самое время, также развивались два народа, будущіе, одинъ послѣ другаго, владыки Азіи: съ одной стороны *Греки* и *Македоняне*, а съ другой *Римляне*.

Какъ востокъ, подъ владычествомъ Персовъ, стремился къ единству, такъ точно и западъ древняго міра. Единство Греціи въ политическомъ отношеніи имѣло четыре главныхъ вида: 1) единство метропольное, когда вся Греція состояла только изъ метрополій и колоній и метрополіи начальствовали надъ своими многочисленными колоніями, давая имъ свое собственное устройство, свои законы, жрецовъ, часто даже правительственныхъ лицъ и предводительствуя ихъ войсками.—Такое единство было въ Греціи во время Персидскихъ войнъ, когда впервые Персы, представители востока, столкнулись съ Греками, тогдашними представителями запада. Это столкновение произошло со времени покоренія Персами греческихъ Мало-Азійскихъ колоній, и дружественнаго сближенія Персовъ съ Греческою аристократическою партією, для того, чтобы она могла содѣйствовать имъ въ покореніи и Грековъ Европейскихъ. 2) Единство было гегемоническое, когда всѣ греческія государства, на основаніи уже не родственныхъ отношеній, а сходства политики, раздѣлились на двѣ половины и сосредоточились около двухъ главныхъ государствъ: Аѣны и Спарты.—Спарта была гегемономъ государствъ аристократическихъ, а Аѣны—демократическихъ. Слѣдовательно объ гегемоніи выразили тогда, только въ большемъ объемѣ, тѣ самыя партіи, которыя прежде были въ каждомъ греческомъ государствѣ въ небольшомъ объемѣ. Какъ прежде объ эти партіи боролись другъ съ

другомъ, такъ и теперь таже борьба началась между обѣими гегемоніями. Эта борьба извѣстна въ исторіи подъ именемъ Пелопонезской войны. Персы и въ ней также принимали участіе, помогая то той, то другой партіи, съ намѣреніемъ ослабить обѣ, и потомъ покорить Грековъ своей власти. Вотъ почему Пелопонезская война и почитается также продолженіемъ Персидскихъ войнъ.—Въ IV-мъ вѣкѣ Греція покорена была Македонскими царями и вступила въ третій видъ единенія, — монархію. Тогда-то Греція и Македонія, сплывая какъ своимъ монархическимъ единствомъ, такъ и гениемъ Александра Македонскаго, совершили то великое дѣло, къ которому постоянно стремились Персы, т. е. соединеніе Персін и Греціи, — востока и запада: только теперь Персы были побѣжденными.

Уже самъ Александръ, среди своихъ побѣдъ, положилъ начало будущему слянію востока и запада распространеніемъ на востокѣ греческой образованности и языка: но онъ думалъ сдѣлать еще болѣе.

Не довольствуясь тѣмъ, чѣмъ онъ владѣлъ, онъ хотѣлъ владѣть всею извѣстнымъ тогда свѣтомъ, и не только силою оружія, но и нравственно. Діодоръ Сицилійскій (XVIII, 4) сохранилъ для насъ его предположенія, найденныя послѣ его смерти въ бумагахъ. Онъ хотѣлъ имѣть кругомъ всего Средиземнаго моря только своихъ подданныхъ, которые ни чѣмъ не разнились бы между собою, ни языкомъ, ни нравами, ни образованностію, ни даже религіею. Для этой цѣли онъ намѣревался переселить жителей Европы въ Азію, а жителей Азін въ Европу, такъ чтобы они перемѣшались и сроднились между собою во всехъ отношеніяхъ. Средиземное море должно было быть внутреннимъ моремъ, центромъ этой огромнѣйшей монархіи. Кругомъ его онъ предполагалъ построить новыхъ городовъ, новыхъ гаваней и шесть великолѣпнѣйшихъ храмовъ, которые служили бы для его подданныхъ точками соединенія; чтобы на этомъ морѣ кипѣла дѣятельность торговая и народы болѣе и болѣе взаимно сближались. Вавилонъ назначался столицею этой великой монархіи, а Александрія — складочнымъ мѣстомъ товаровъ востока и запада, центромъ всей торговли.

Но не сбылись эти обширныя и несвоевременныя пред-

по пожеланію. Александръ умеръ слишкомъ рано, и его монархія раздробилась на свои составныя части. Тѣмъ не менше онъ былъ также однимъ изъ избраннѣйшихъ орудій Воинствъ. Еще пророкъ Даниилъ (гл. XI) предсказывалъ о немъ ясно и положительно Персидскимъ царямъ. Самъ Александръ, бывши въ Иерусалимѣ, видѣлъ это пророчество, и найдя въ немъ себя обозначеннымъ, почтилъ дарамъ первосвященника Іудейскаго и поклонился Богу Израилеву. Развѣтїемъ повсюду греческой образованности и языка, вслѣдствіе побѣдъ Александра, Промысль видимо приготовлялъ міръ къ будущему, легчайшему принятію и усвоенію священныхъ истинъ еврейскихъ и христіанскихъ; а въ слѣдъ затѣмъ переводомъ, въ Александрію, на греческій языкъ Библіи, трудами 70 толковниковъ, при одномъ изъ наслѣдниковъ Александра, Египетскомъ царѣ Птоломѣѣ II Флладельфѣ, Промысль далъ языческимъ народамъ востока и запада возможность узнать изъ еврейскихъ сокровищницъ многое, что прежде того знали они только по преданію, самому искаженному. Изъ бібліотеки Александрійскаго музея списки съ перевода 70 толковниковъ распространились повсюду. Еврейскія пророчества напомнили тогда міру о томъ вѣчномъ и прекрасномъ царствѣ, долженствующемъ прійти съ востока, о которомъ они смутно и безнадежно до сихъ поръ мечтали, представляя его себѣ подъ образомъ золотого вѣка. II образованный міръ съ надеждою и трепетомъ началъ съ тѣхъ поръ снова ожидать его. Свидѣтельства объ этомъ ожиданіи у христіанскихъ и языческихъ писателей безчисленны ¹⁾).

Такимъ образомъ дѣло Александра Македонскаго было только началомъ соединенія всего древняго историческаго міра. Послѣ смерти Александра, когда раздробилась его монархія, единство Греціи приняло послѣдній свой видъ: она раздѣлилась тогда на два большіе союза: *Ахайскій и Атольскій*, которыхъ государственнымъ устройствомъ было устройство штатовъ. Но соперничество между этими союзами и вмѣшательство въ дѣла Греціи сначала Македоніи, а потомъ Рима, слишкомъ ясно убѣдили Грековъ въ непрочности такого единства. Римъ покорилъ своей власти какъ Грецію.

¹⁾ *Virg bucol* Ecl IV; *Tacit Hist* I, 5; *Suet in Vespas* c 4; *Iosephi De bello Iud* III, 28; IV, 31

такъ и ослабленную Македонію; но въ тоже время и самъ подчинился уметвенному и нравственному вліянію Греціи.

Риму Провидѣніе судило рѣшительнымъ и всестороннимъ образомъ соединить весь древній историческій міръ, и въ этомъ соединеніи всего языческаго, сначала стать въ прямую противоположность и борьбу съ христіанствомъ, пришедшимъ обновить человѣчество; а потомъ, послѣ упорной борьбы, уступить свое мѣсто новымъ, свѣжимъ государствамъ христіанскимъ. Въ этомъ-то послѣднемъ соединеніи, борьба и паденіи язычества, и заключается весь интересъ Римской исторіи.

Въ основаніи Рима стоятъ патриціи и плебеи. Патриціи вовсе не означаютъ *знати*, а плебеи—*черни*. Это были два совершенно чуждые другъ другу народа, изъ которыхъ первый былъ только побѣдителемъ другаго, и какъ побѣдитель, онъ поселилъ его подлѣ себя, безъ всякихъ правъ государственныхъ, не лишая его впрочемъ личной свободы. Какъ всѣ младенчествующія племена древняго міра жили въ совершенной отдѣльности другъ отъ друга, такъ и патриціи считали себя совершенно отдѣльнымъ отъ плебеянъ народомъ, и не допускали ихъ до пользованія собственными своими правами. Такимъ образомъ: 1) только одни патриціи могли пользоваться государственными имуществами (*ager publicus*); 2) только имъ однимъ принадлежали въ Римѣ законы и управленіе, и 3) запрещались даже браки между ними.

Пока плебеи, переселяемые въ Римъ изъ разныхъ покоренныхъ патриціями городовъ, не имѣли еще между собою ничего общаго, они не могли и подумать о своемъ политическомъ соединеніи съ патриціями, и дали имъ довольно времени заяться собственнымъ своимъ устройствомъ. Это былъ тотъ періодъ, который извѣстенъ въ Римской исторіи подъ именемъ періода *царей*.—Когда же и плебеи составили свою корпорацію, съ тѣхъ поръ все ихъ стремленіе обращено было на то, чтобы слиться съ патриціями въ одинъ народъ Римскій (*populus Romanus*).—Продолжительная борьба между ними и составляетъ главный характеръ большей половины того періода, который называется временемъ *Римской республики*. Уже въ теченіе этой самой борьбы положено было начало римскихъ завоеваній въ Италиі; а по окончаніи борьбы, когда патриціи и плебеи слились въ одинъ

народъ, Римляне, оружіемъ и политикою, завоевали себѣ весь извѣстный тогда свѣтъ.

Теперь, въ свою очередь, Римъ (т. е. патриціи и плебеи вмѣстѣ) представлялъ тоже самое, что прежде были *патриціи*, а всѣ покоренные ими народы—*плебеи*. Болѣе 150 такихъ плебеи управлялись только однимъ городомъ, который представлялъ въ нравственномъ отношеніи лице патриціи, и управлялись самымъ жестокимъ образомъ. Наконецъ и эти новые плебеи начали также стремиться къ тому, что составляло прежде предметъ домогательства старыхъ плебеи, т. е. права римскаго гражданина, и между ними началась борьба, медленная и упорная; но провинціалы побѣдили. Эта-то самая борьба и занимаетъ вторую половину періода Римской республики, и она-то собственно была причиною превращенія Римской республики въ монархію; потому что только предъ лицомъ монарха покоренные народы получили возможность достигнуть полного уравненія правъ своихъ съ римскими гражданами. При императорахъ провинціалы быстро, одни за другими, получили давно желаемое право, и наконецъ императоръ Каракала въ 214 г. по Р. Х. даровалъ окончательно всѣмъ провинціямъ право римскаго гражданства, и тогда-то произошло послѣднее и всестороннее соединеніе древняго міра.

Въ отношеніи политическомъ это соединеніе выразилось сначала тѣмъ, что не было почти ни одной провинціи, которая не выставила бы на императорскій Римскій престолъ своего представителя; а потомъ,—что всѣ отрасли верховной власти: законодательная, судебная и исполнительная сосредоточились исключительно въ рукахъ монарха, и отъ него, какъ отъ центра, расходящимся радіусами, переходило управление во всѣ провинціи.

Въ отношеніи территориальномъ всѣ провинціи Римскія потеряли всѣ свои особенности: всѣ онѣ управлялись однимъ и тѣмъ же Римскимъ правомъ; всѣ говорили однимъ языкомъ: или Римскимъ (на западѣ), или Греческимъ (на востокѣ), что и было потомъ одною изъ главныхъ причинъ раздѣленія Римской имперіи на 2 половины; и наконецъ повсюду проникло одинаковое римское образованіе,—смѣсь прежнихъ греческихъ и римскихъ элементовъ съ провинціальными.

Въ отношеніи религіозномъ — божества всѣхъ покоренныхъ Римомъ народовъ перешли въ Римъ. Сначала перешла религія греческая, и вотъ причина, почему у Римлянъ всѣ божества имѣли по два и болѣе названій: одно изъ нихъ было римское, а другое—греческое: Юпитеръ и Зевсъ, Сатурнъ и Хроносъ, Меркурій и Гермесъ, Венера и Афродита. За греческою религіею перешли и другія, и для всѣхъ ихъ построенъ былъ въ Римѣ общій храмъ—*Пантеонъ*. Императоръ Геліогабаль, по свидѣтельству Геродіана (121), Діона Кассія (LXXIX, 11.) и Лампрідія (Hel 102), торжественно соединилъ, посредствомъ бракосочетанія, божества западныя съ восточными. Наслѣдникъ его, Александръ Северъ, построилъ въ своемъ дворцѣ великолѣпный храмъ, и постановилъ тамъ изображенія всѣхъ божествъ древняго міра. Такимъ образомъ христіане съ изумленіемъ и негодованіемъ увидѣли тогда въ этомъ храмѣ изображенія Авраама, Моисея и другихъ ветхозавѣтныхъ лицъ, и наконецъ даже самого Иисуса Христа, рядомъ съ языческими статуями Юпитера, Астарты, Аполлона и другихъ.

До сихъ поръ, со времени Августа, средоточіемъ для всѣхъ божествъ былъ императоръ, какъ лице священное, какъ само божество: отсюда—то и происходило его боготвореніе при жизни и *εὐθεώσις* — по смерти. Но это было только первою степеню олицетвореннаго соединенія языческихъ религій; за нею слѣдовало уже соединеніе идеальное. Такъ какъ каждая языческая религія имѣла свое собственное толкованіе, то теперь соединеніе ихъ произвело и одно общее толкованіе, одну философію, которая пропикала всѣ языческія религіи и давала имъ смыслъ. Эта философія была *Неоплатоническая*. Неоплатонизмъ, облагородившій себя нѣкоторымъ образомъ тѣми истинами, которыя онъ похитилъ у христіанства и передѣлалъ по своему, былъ послѣднимъ успіемъ язычества—явиться въ сосредоточенномъ величіи противъ угрожавшаго ему христіанства.—Дѣйствительно, онъ былъ столь соблазнителенъ, что оказалъ воздѣйствіе между прочими и на умнѣйшаго учителя христіанскаго Оригена, и увлекъ изъ христіанства въ язычество императора Юліана.

Такимъ образомъ древній міръ совершилъ свое дѣло. Съ одной стороны, этимъ изумительнымъ распространеніемъ и

соединеніемъ Римской монархіи Промыслъ образовалъ изъ міра какъ бы одно семейство подъ верховною властію императора. Съ другой стороны, въ этомъ слияніи религіи языческихъ человѣчество высказало все, до чего оно могло достигнуть, будучи предоставлено само себѣ. Философія Нео-платониковъ была лучшимъ произведеніемъ язычества, и все-таки она не могла удовлетворить духу человѣческому: она была слишкомъ холодна, потому что основывалась только на однѣхъ формахъ ума, и слишкомъ матеріальна, потому что относилась все духовное къ землѣ. Уже давно лучшіе изъ языческихъ философовъ и писателей глубоко сознавали нужду въ высшей помощи для просвѣщенія немощнаго человѣчества. Въ то же время сознанию философовъ соответствовало и бессознательное народное ожиданіе того золотого вѣка, который по преданіямъ и по пророчествамъ еврейскимъ долженствовали прійти съ востока.

И вотъ наконецъ явилась съ востока эта, ожидаемая такъ давно сознательно и бессознательно, небесная религія Христа, религія Креста, т. е. совершеннѣйшей любви и правды Божіей и полного самоотверженія и смиренія человѣческаго. Сначала она показалась для народа, избраннаго Промысломъ,—соблазнительною, а для язычниковъ — безумною. Но потомъ, мало по малу, Крестъ водрузился во всемъ мірѣ, обнялъ все человѣчество и указалъ ему уже прямую и ясную цѣль его земнаго бытія.

Съ язычествомъ пала и Римская имперія, котораго она была представительницею. Юные славянскіе и германскіе народы, принявшіе христіанство, вступили, по праву завоевателей, во все, что осталось по наслѣдству отъ древняго міра, и обновленное человѣчество начало новый періодъ своего историческаго бытія.

Н. Андреевскій.